

**УДК 329.032.3 +958**

КРАХ ПОЛИТИКИ КОМИНТЕРНА С ЦЕЛЬЮ СОЗДАНИЯ «БУХАРСКОГО ПЛАЦДАРМА» (1920 – 1921)

И.С. КУДУХОВ*Липецкий государственный
педагогический университет**e-mail: imho.kuduhov@yandex.r*

Имея важное геополитическое положение, Бухара представляла собой важное связующее звено между Европой и странами Востока. Попав в зону пристального внимания политических гигантов, таких, как Великобритания и, конечно же, Советская Россия, Бухаре неизбежно предстояло стать целью в стратегических планах этих государств. Наибольший успех в этом соперничестве был достигнут Советской Россией и Коминтерном (КИ). Данная статья рассматривает попытку Туркбюро КИ организовать плацдарм в Бухаре для дальнейшего «экспорта» революции в страны Востока в 1920 – 1921 годы.

Ключевые слова: Коминтерн, Туркбюро, Бухара, плацдарм.

В 1920 г. большевики стали более объективно рассматривать свои шансы на продолжение мировой революции в Европе. Спад революционного движения, приводил к ослаблению политического влияния Коминтерна в мире, и в Москве было ясно, что центр интернациональной борьбы необходимо переносить в Азию, где для дальнейшего продвижения «революций» были некоторые предпосылки. Линия «восточного фронта» мировой революции неизбежно должна была пройти через Бухару, поскольку Бухарский эмират представлял собой удобный плацдарм для продвижения Красной Армии к границам Британской Индии и организации революционной деятельности Коминтерна на Среднем Востоке и в Центральной Азии.

Бухарский эмират изначально привлек советское внимание. Крупный регион с многообразными социально-экономическими особенностями и раньше находился на «пересечении» между Европой и Азией. Отсюда можно было регулировать и координировать действия коминтерновской пропаганды и поставку агитационной литературы. Из Бухары можно было отправлять там же подготовленных агентов. Но для этого необходимо было должным образом организовать эту работу, что было весьма непростой задачей, так как в связи со сложившейся внешнеполитической обстановкой Советская Россия лавировала между Афганистаном и Великобританией. Конечно, идея дальнейшего распространения «территории революции» преваляровала над дипломатическими договоренностями и международными договорами, но, тем не менее, необходимо было проявлять осторожность в отношении Афганистана. Фактически Бухара была уже советской, и желание Афганистана доминировать в бывшем эмирате сильно поубавилось, тем не менее, нельзя было просто использовать Бухару на глазах афганцев, как марионеточное государство. Отсюда и была вскоре признана, хоть и формальная, но, все же, независимость от РСФСР Бухарской Народной Советской Республики.

Это было весьма мудрым решением советского правительства на фоне еще идущей Гражданской войны, интервенции и попыток добиться официального признания на международной арене. Необходимость в твердой почве под ногами в период начала революционной и пропагандистской борьбы на Востоке диктовала создание надежной опорной «базы» в азиатском регионе для дальнейшего распространения там революции. Об этой необходимости писал еще Л.Д. Троцкий, считая, что Красная Армия большевиков революционизирует не только Восток, но еще и страны



Запада, поскольку лишил их колониального источника экономической мощи¹. После падения эмирата революционные группы (персидская, кашгарская, афганская, индийская, турецкая) активизировали свою деятельность среди соотечественников, что было весьма важным фактором для создания прочной революционной основы²

Что касается выбора Бухары, как военно-политической базы для этих целей, то здесь решение большевиков было основано на нескольких факторах. Территориально, она отделена от Индии только горной полосой, и, как следствие ее тактико-стратегическое значение достаточно высоко. Этнографический же состав населения Бухары весьма сходен с населением окружающих ее стран, что в деле международной связи на Востоке играло огромную роль. В Бухаре проживал также значительный контингент эмигрантов, выходцев из Афганистана, Кашгарии и Индии, которые имели на территории Бухары свои политические группировки. Разумеется, благодаря этому в Коминтерне считали вполне реальным приступить к широкой практической работе, чтобы создать из этого, как сказано в документе, «живого революционного материала кадров» хороших политработников для зарубежных стран Средней Азии. Полная ликвидация фронта басмачества и отрядов эмира Алим-хана, а также предполагающееся открытие границ для торговых сношений с сопредельными странами, позволяло бы Коминтерну использовать эмигрантские слои. Они были бы весьма полезны для дела революции в сопредельных странах с максимально возможным результатом³. Помимо прочего, делегация бухарской компартии на III конгрессе Коминтерна вообще указывала на то, что Бухара, якобы, является, чуть ли не последним оплотом пролетарской революции на Востоке. Обосновывалось данное высказывание весьма туманной фразой о том, что Бухара обладает еще не изжитыми остатками, так называемого, первобытного коммунизма⁴.

Примерно за полгода до революционных событий в Бухаре, активную деятельность в регионе развернули англичане. Оказывая эмиру военную и политическую поддержку, британское военное командование стремилось не только усилить свои позиции в Среднеазиатском регионе, но и добиться активного противоборства Бухарского эмирата с Советской Россией. Под воздействием англичан Бухара превратилась, как сказал Куйбышев в «караван-сарай для контрреволюции»⁵. Исходя из этого, медлить с решением о дальнейшей судьбе Бухары было не логично. Как результат, Красная Армия, хоть и с трудом, разгромила войска эмира и 2 сентября 1920 г. М.В.Фрунзе послал Ленину известную телеграмму, заканчивающуюся словами: «Над Регистаном победно развивается красное знамя мировой революции»⁶.

Но до мировой революции было далеко. Необходимо было разрешить проблемы организационного характера. 20.10.1920 г. Л.Н. Геллер, М.Н.Рой, Робертсон и Г.И. Сафаров во время заседания Бюро Коминтерна приняли ряд постановлений, в которых, помимо решения о том, что технический аппарат бывшего Совинтерпропа переходит к Бюро Коминтерна, было также принято постановление о необходимости активной работы в Бухаре. При этом, исходя из архивных документов, мы можем видеть, что через Бухару проводилась работа, так сказать, «специального характера», заключающаяся в проведении тайных операций в сопредельных странах Среднего Востока⁷. Таким образом, Бухара еще до ее захвата использовалась Коминтерном в качестве базы для интернациональной работы. Поэтому, резонно было полагать, что с установлением новой революционной власти в ней работа эта будет только набирать обороты.

¹ Персиц М.А. Застенчивая интервенция. М, 1999. С. 20

² Сологубов И.С. Иностранцы коммунисты в Туркестане (1918-1921). Ташкент, 1961. С. 89

³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 544. Оп. 4. Д. 26. Л. 49 – 50

⁴ Персиц М.А. Революционная демократия и коммунисты Востока // Формирование коммунистического движения в Азии. М.1984. С.235

⁵ Ишанов А.И. Бухарская Народная Советская Республика. Ташкент, 1969. С. 164

⁶ Фрунзе М.В.: Военно-политическая деятельность. М., 1984. С. 234

⁷ РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 4. Д. 10. Л. 1



Большевики полагали, что Бухара, помимо того, что играла важную политическую роль на протяжении длительного времени, оставалась также своеобразным передаточным пунктом для победоносного шествия «революций», которые совершались в Турции и Персии. Теперь же полагали они, когда уже ничто не мешало слиянию революционного движения стран Востока с Революционным движением стран Средней Азии, открывалась историческая дорога – дорога на Индию⁸.

На фоне создавшейся политико-дипломатической ситуации, в своих конспектах к пленуму Совинтерпроп указывал на факты, связанные с подписанием договоров с Англией, Персией, Афганистаном и Турцией, что в определенной степени связывало руки в отношении деятельности в Средней Азии. На этом фоне Бухарская Народная республика стала главной базой революционной работы в Средней Азии и сам центр Среднеазиатской политики необходимо перенести в Бухару⁹.

Касательно целей советского руководства в отношении стран Востока все относительно ясно, а вот со средствами становится понятно из высказываний отдельных лиц. К примеру, в документах Коминтерна по положению в Бухаре и задачах на ближайшее будущее бросается в глаза следующая фраза: «На примере Бухары мы должны учить и учиться делать революцию на всем Востоке, где господствуют аналогичные общие естественные социально-экономические условия»¹⁰. Следовательно, на тот период времени вооруженное насилие продолжало оставаться одним из решающих и действенных методов для достижения тактических и стратегических целей¹¹.

Известно, что до апреля 1921г. созданный «триумвират» в Туркбюро Коминтерна особых результатов в работе не показал. Более того, в беседе полпреда в Бухаре Керим Хакимова с представителем наркомата в Ташкенте Д.Ю. Гопнером говорится о том, что Г.И.Сафарова и Г.Я.Сокольникова нет на своих рабочих местах, а М.Н. Рой занимается «вредительством». Коминтерн не выполняет функций на него изначально возложенных и соответственно бездействует, а аппарат возглавляется беспартийным секретарем¹².

После того, как Бухара стала советской, на протяжении определенного времени происходило легкое «опьянение» успехом, которое мешало объективно оценивать ситуацию. Ведь наладить работу, и использовать иностранную составляющую в продвижении революции было затруднительным делом. После революционного переворота в Старой Бухаре интернациональные секции увеличивались в геометрической прогрессии, но спустя полгода все еще находились в состоянии бездействия. Из архивных документов видно, что в Бухаре находилось значительное число национальных организаций, представленных в виде секций. Афганская, Турецкая, Кашгарская, Персидская (Иранская) и др. По своему социальному составу это были зачастую люди, покинувшие свои страны в период мировой войны, либо бежавшие от тех или иных преследований со стороны правительства. К примеру, индийская секция представляла собой людей изначально желавших примкнуть к Абдур Рабу, находившемуся на тот момент в Ташкенте. Но поскольку, вследствие некоторых обстоятельств возник конфликт между М.Н.Роем и Абдур Рабом, то Рой, дабы пресечь усиления поддержки Абдур Раба, сделал все возможное, чтобы индийцы не смогли попасть в Ташкент. Таким образом, они обосновались в Бухаре.

Революционная «индусская работа» не стояла на месте и за незначительный промежуток времени численность членов Индусской революционной ассоциации в Бухаре возросла на порядок. Их работа начала влиять не только на индийцев, но и на коренное бухарское население. Под своим крылом ассоциация начала собирать даже торговые слои и представителей враждующих религий. Но вскоре в Бухаре стали по-

⁸ РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 4. Д. 10. Л. 49 – 50

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Гиленсен В.М. Туркестанское бюро Коминтерна (осень 1920 – осень 1921). Восток. 1999. №1. С.61

¹² Там же. С.65.



являться представители роевского Центрального революционного комитета, которые вместо того, чтобы оказать какую-то помощь организационного характера, кроме вреда и дезорганизации ничего не сделали¹³.

Сотрудник Отела Внешних Сношений НКВД в Ташкенте М.Шульман так описывал сложившееся положение в Бухаре: «Но результаты такого отношения к делу оказались весьма нежелательными и поэтому необходимо немедленно, если нет несколько людей, послать хотя бы одного человека, обладающего организаторскими способностями, выдержкой и терпением, который мог изучить их жизнь с разных сторон, то есть их традиции, привычки, психологию и наклонности»¹⁴.

Вместо того, чтобы оказать идейное воздействия, прибывший из Ташкента индусский товарищ Абдул Маджид, которого командировал Всеиндусский ревком, написал заявление в ЦК Бухпартии, в котором обвинял индусскую группу в Бухаре, утверждая, что эти люди под видом революционеров выполняют обязанности английских шпионов и распространяют антибольшевистские идеи. Разумеется, такие меры воздействия со стороны Абдул Маджида спровоцировали против него недовольство в широких кругах индусской колонии. И при создавшихся обстоятельствах ему трудно было продолжать организационную работу; не оставалось ничего другого как уехать в Ташкент¹⁵. Другие сотрудники Центрального Ревкома должны были остаться в стороне, чтобы не портить того, что было сделано до них. М.Шульман писал в своем докладе в мае 1921г.: «...но тут мне приходится открыто обвинить Центральный революционный комитет в этом, и я заявляю, что агенты посылались им с целью разрушить Ассоциацию. Это не удалось в Ташкенте, где приходилось иметь дело с Абдур Рабом, и другими интеллигентными членами Ассоциации; в Бухаре не было таких дельных людей, более интеллигентных членов Ассоциации, были террор, аресты и пр. С агентами, посылающимися Центральным ревкомом, мне приходилось иметь дело, и я должен сказать, что все они подозрительные типы. Например, Абдур Рашид: теперь он сидит в Особом отделе в Ташкенте за убийство своей жены в Андижане; Абдул Маджид давно на подозрении. Об Абдул Каюме мне известно, что его отец уже давно на английской службе: за преданность англичанам он награжден титулом. Сам Абдул Каюм служил железнодорожным агентом. [...] И вот эти-то люди, явившись с целью подорвать работу, воспользовавшись неопытностью бухарской ЧК, и стали производить обыски и аресты среди наиболее активных членов Ассоциации. Это, конечно, не могло привести к доброму, и постепенно [индийцы] стали разбегаться не только из Ассоциации, но из Бухары»¹⁶.

Уже в декабре 1920г. Красная армия начала наступление на басмачество в Восточной Бухаре и на сопредельных ее границах территориях и концу года были освобождены ряд городов, но все же басмачество продолжало существовать в Среднеазиатском регионе еще не один год. Это обуславливалось, как поддержкой местного населения, так и поддержкой Англии.

Использование Бухары в своих тактических целях неизбежно вынуждало Туркестанское Бюро Коминтерна находить пути сотрудничества с младобухарским правительством, а это было порой весьма проблематично. В данной ситуации неизбежно возникали острые конфликты между коминтерновцами и бухарскими властями. Так, в декабре 1920 г. чуть ли не все бухарское правительство подписало под жалобой в Москву, чтобы были приняты меры в отношении одного из руководителей Туркбюро Коминтерна Г.И. Сафарова, который 26 декабря в своем обращении в адрес ЦК бухарской компартии заявил: «бухарская революция – это есть революция беспаспортная, кучка советских разбойников в этой революции (обращаясь к слушающим), имея наличие фронта в Восточной Бухаре, ничего не делается, мы вас всех

¹³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68а. Д. 3. Л. 78-81

¹⁴ Там же.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 4. Д. 26. Л. 46 – 48

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68а. Д. 3. Л. 78 (об).



перестреляем»¹⁷. Трудно сказать, чем руководствовался в тот момент Г.И.Сафаров. Вероятнее всего, он осознавал не только крах коминтерновских попыток пробиться через Памир к Индии, но серьезную угрозу для существования Советской власти в самой Средней Азии. Разумеется, подобное выступление не осталось без последствий: резонанс от высказываний зампреда Турккомиссии был весьма серьезен с дипломатической точки зрения. Однако в архивных фондах Коминтерна можно обнаружить лишь весьма скромный «проходящий» документ, в конце которого указано о решении Коминтерна дезавуировать инцидент с Сафаровым¹⁸. Реально никого наказания он не понес, хотя и был вскоре отозван из Бухары в Москву.

Чтобы использовать Бухару, как плацдарм для развития революции на Востоке нужно было не конфликтовать с бухарскими властями. Обретя определенного рода независимость, они почувствовали в своих руках власть и, конечно, их не устраивало положение, при котором советское правительство диктовало им свою волю и говорило, что нужно делать на политической арене. Примером подобного конфликта может служить «удаление» из Бухары бывшего начальника политуправления Галиева¹⁹.

Создание более прочной базы для советской власти в Бухаре обуславливалось внешнеполитической необходимостью и, как следствие, съезд коммунистической партии Бухары принял решение о присоединении к III Интернационалу. В этом решении говорилось, что Компартия Бухары будет работать не только под идейным, но и под непосредственным руководством Коминтерна²⁰.

Да, конечно, советский режим, установленный в Бухаре в 1920 г. в определенной степени можно назвать оккупационным. К примеру, поведение красноармейцев, выражавшееся в оскорблении религиозного чувства мусульман (сжигание мечетей, попираание семейных традиций мусульман и т.д.), не способствовало налаживанию плодотворной работы²¹. Но в советском правительстве, среди деятелей Туркбюро Коминтерна и НКВД были люди, объективно оценивающие положение дел в Бухаре. В письме советского официального наблюдателя в Бухаре В. Бодрова говорится о том, что нельзя смотреть на Бухару, как на свою вотчину. Полпред в Афганистане Я.З. Суриц, одновременно являвшимся представителем Коминтерна в этой стране, в обращении к наркому иностранных дел Г.В. Чичерину писал об ухудшении международных связей Советской России. Связано это было именно, как указывал Суриц, с советизацией Бухары²². Отчасти из-за этого 28 февраля 1921 г. в ратифицированном договоре между Советской Россией и Афганистаном, помимо прочего, оба государства соглашались признавать независимость и свободу Бухары и Хивы, какая бы форма правления там ни существовала²³.

Помимо внешнеполитических причин формирования прочного фундамента революции, стояли и конкретные внутривнутриполитические проблемы, угрожающие национальной безопасности. Красная Армия действовала на фоне международной политики в Средней Азии. Работа не переставала и в активный период революции и в последующие месяцы. Для обеспечения безопасности, как самой БСНР, так и для спокойствия в самом Туркестане, большое количество военных экспедиций и походов было организовано в период становления Советской власти в этом регионе²⁴.

Видно, что создание своего рода плацдарма в Бухаре, было делом не легким. Просто устроить переворот и поставить у власти других лиц, пускай и политический направленных в нужное русло, все же не означало легкой организации деятельности.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 4. Д. 26. Л. 16.

¹⁸ Там же. Л. 9.

¹⁹ Там же. Л. 29.

²⁰ Бабаходжаев А.Х. Провал Английской антисоветской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке в период признания Советского государства де-факто и де-юре (1921-1924 гг.). Ташкент, 1957. С.69

²¹ РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 4. Д. 26. Л. 16.

²² Персиц М.А. Застенчивая интервенция. М., 1999. С.88-89.

²³ Бабаходжаев А.Х. Указ. соч. С.56

²⁴ Козловский Е. Красная армия в Средней Азии. Ташкент, 1928. С.48-61



В заключение хотелось бы привести одну шифрограмму, которая бы характеризовала основной взгляд для многих сотрудников Коминтерна на сложившуюся тогда ситуацию: «Москва – Чичерину. По вопросу о положении в Бухаре большинство Турккомиссии приняло следующую резолюцию: смена правительственной власти Бухары считается преждевременной ввиду отсутствия в настоящее время подходящих элементов для создания новой власти. Политику, проводившуюся в Бухаре, считать не совсем правильной, в дальнейшем направить ее в том направлении, чтобы главное внимание было обращено на организацию масс и воспитание элементов, годных для создания настоящего советского правительства. 10-го декабря 1921 г. Суриц»²⁵.

Уверенность в будущем и твердое убеждение того, что Бухара никуда не денется и спешить с созданием плацдарма нет смысла, была у многих сотрудников Коминтерна. Возможно, считая, что был создан относительно надежный, своего рода, плацдарм, руководство Туркбюро Коминтерна в целом, решили немного «ослабить вожжи», поскольку основная задача минимум была выполнена. Но, скорее всего, вместо «плацдарма» для мировой революции большевики создали своими левацкими действиями в Средней Азии некий «басмаческий пояс», который помешал им эффективно распространить деятельность агентуры Коминтерна на восточные страны. При этом сама идея создания «бухарского плацдарма» для распространения «мировой революции» была авантюрой, так как дальнейшее широкомасштабное наступление революционного движения споткнулось о реалии консервативного Востока и международной политики. Так что к середине 20-х гг. план создания «бухарского плацдарма» потерял для Коминтерна всякий смысл.

CRASH OF THE COMINTERN`S PURPOSES IN BUKHARA

K.S. KUDUKHOV

Lipetsk State Pedagogical University

e-mail: imho.kudukhov@yandex.ru

Having an important geopolitical location Bukhara used to mediate between Europe and Eastern countries. For such political giants as Great Britain and the Soviet Union manifested their interest in it, Bukhara was bound to become the strategic aim of those states. This rivalry ended up with almost a complete success of the Soviet Union and Comintern. This article dwells upon an attempt made by the Comintern Turkmen bureau to create a beachhead for a further "export" of the revolution to Eastern countries in 1920 – 1921.

Key words: Comintern, Turkmen bureau, Bukhara, beachhead.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 4. Д. 27. Л. 93